

THE DANISH
INSTITUTE FOR
HUMAN RIGHTS

ЭКОНОМИКА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

КРИСТОФЕР МАРСЛЕВ
ХАНС-ОТТО САНО

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ
СВЯЗЕЙ МЕЖДУ ПРАВАМИ ЧЕЛОВЕКА
И УСТОЙЧИВЫМ ЭКОНОМИЧЕСКИМ
РОСТОМ

Русский текст в редакции совместно
с Белорусским Хельсинкским Комитетом

**ЭКОНОМИКА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
ИССЛЕДОВАНИЕ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ ПРАВАМИ
ЧЕЛОВЕКА И УСТОЙЧИВЫМ ЭКОНОМИЧЕСКИМ РОСТОМ
*РАБОЧИЙ ПЕРЕВОД***

Авторы:

Кристофер Марслев
Ханс-Отто Сано

Перевод: Доминика Гулак
Редакторы перевода: Алег Гулак и Евгения Клементьева

© 2016 The Danish Institute for Human Rights
Denmark's National Human Rights Institution
Wilders Plads 8 K
DK-1403 Copenhagen K
Phone +45 3269 8888
www.humanrights.dk

Публикация или ее части могут воспроизводиться с указанием автора и источника.

Уточняющая заметка: это серия рабочих документов, предназначенных для новых и будущих исследований в области прав человека в разных академических дисциплинах. Данный материал предназначен для сотрудников Датского Института по Правам Человека, приглашенных научных сотрудников и исследователей, с целью предоставить доступ к предварительным результатам их исследований, незавершенным работам и уникальным исследовательским материалам. Исследовательские работы публикуются под ответственностью автора лично и не отражают официальную точку зрения Датского Института по Правам Человека. Документ доступен на сайте www.humanrights.dk.

СОДЕРЖАНИЕ

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ	5
1 ВВЕДЕНИЕ	9
2 ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ ЭКОНОМИКИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА	12
3 НЕРАВЕНСТВО, ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ РЕСУРСОВ И УСТОЙЧИВЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ	15
теоретические связи	15
эмпирические данные	15
роль прав человека	17
4 ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И УСТОЙЧИВЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ	18
теоретические связи	18
эмпирические данные	18
роль прав человека	20
5 УПРАВЛЕНИЕ, ИНСТИТУТЫ/УЧРЕЖДЕНИЯ И УСТОЙЧИВЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ	21
теоретические связи	21
эмпирические данные	22
роль прав человека	24
6 КОНФЛИКТЫ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ И УСТОЙЧИВЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ	25
теоретические связи	25
эмпирические данные	26
роль прав человека	27
7 ЗАКЛЮЧЕНИЕ	29
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	32

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года вновь подтверждает, что социальное, экологическое и экономическое развитие являются взаимозависимыми. Определение политики в интересах устойчивого развития включает в себя достижение благотворного цикла, в котором эти аспекты развития служат укреплению, а не ослаблению друг друга. Цель данного материала является углубить понимание того, как можно добиться благотворного цикла социального и экономического развития. Говоря конкретнее, в материале исследуется взаимосвязь между осуществлением прав человека и экономическим ростом.

Общепризнано, что уровень экономического развития имеет огромное значение для осуществления прав человека. Экономическое развитие позволяет создавать рабочие места, получать доходы, услуги, инфраструктуру и технологии, необходимые для реализации прав человека. В то же время экономическое развитие, которого пытаются достичь безответственными и несправедливыми способами, может повлечь за собой нарушения прав человека граждан, рабочих, сообществ и потребителей. Однако обратная зависимость (важность прав человека для экономического развития), как правило, менее раскрыта и объяснена. Обеспечение прав человека является *правильным* в нормативном плане, но будет ли оно *разумным* в плане экономическом? Какое значение для экономического развития имеет ситуация с правами человека? Какая политика в области прав человека особенно эффективна в совершенствовании экономических институтов и принятии решений? И какова здесь цена бездействия?

Цель исследования этих связей не в том, чтобы доказать, что права человека – единственный ключ к решению проблем устойчивости экономического роста на все времена. Цель скорее в том, чтобы лучше понимать, каким образом страны могут использовать политику и реформы в области прав человека для усиления своего экономического развития. Целью данной дискуссии не является сведение вопросов прав человека к их экономической эффективности и целесообразности. Как раз наоборот. Обеспечение и защита прав человека должны иметь место независимо от экономической выгоды. Тем не менее, способность стран соблюдать этот принцип ограничена объемом доступных для них ресурсов. Поэтому мобилизация ресурсов и установление приоритетов являются проблемами не только экономическими, но и ключевыми в контексте прав человека.

Данный материал рассматривает обеспечение права человека, как составляющую устойчивого экономического роста через призму четырех аспектов социального

развития, связанных с правами человека. Это неравенство и перераспределение ресурсов, человеческое развитие, управление и институты власти, а также конфликт и политическая нестабильность. Используемые нами исследования оспаривают широко распространенное мнение о том, что между экономическим развитием и реализацией прав человека существует противоречие, или что осуществление прав человека является затратой, которую можно отложить, пока не будет достигнут достаточный уровень благосостояния. Как показывают исследования, эта последовательность срабатывает с точностью до наоборот. Факторы, связанные с правами человека, оказываются активом, который во многих отношениях обуславливает экономическое развитие. Другими словами, можно утверждать, что права человека следует рассматривать как активную составляющую модели роста, а не как достигаемый им результат.

Выводы данного документа дополняют наше представление о взаимозависимости между правами человека и экономическим развитием, которая лежит в основе Повестки Целей Устойчивого Развития 2030. Для осуществления прав человека необходимо экономическое развитие, но мы не ошибемся, если поменяем их местами.

На основе анализа существующих исследований в области экономики, развития и смежных областях, данный анализ приводит убедительные доказательства того, что четыре аспекта социального развития (неравенство и перераспределение ресурсов, человеческое развитие, управление и институты власти, а также конфликт и политическая нестабильность), рассматриваемые ниже, причинно связаны с экономическим ростом. Другими словами, они используются для осмысления вклада прав человека в достижение устойчивого экономического роста.

Неравенство, распределение ресурсов и экономический рост

Недавнее исследование МВФ показало, что коэффициент Джини, возросший с 37 до 42 (сравнительно с различием между Испанией и Аргентиной или Танзанией и Угандой) снижает показатели роста ВВП в среднем на полтора процентных пункта.

Имеющаяся информация позволяет сделать вывод о том, что неравенство в определенной степени негативно отражается на уровне экономического роста. Более того, результаты исследований показывают, что негативный эффект от усиления неравенства связан прежде всего с ослаблением институционального строительства и формирования человеческого капитала. При высоком уровне неравенства, характерном для многих современных обществ, поощрение прав человека (в особенности социальных и экономических прав) с высокой вероятностью приведет к более равному распределению ресурсов и возможностей.

Права человека и экономический рост

Исследования связи между уровнями женского образования и производительностью труда обнаружили, что с увеличением срока получения

женщинами образования на один год уровень ВВП на рабочий час возрастает на 0.37 процента.

Формирование человеческого капитала является определяющим фактором экономического роста. Но не только он имеет значение. Отношение между человеческим развитием и экономическим ростом может быть подчинено двум само-усиливающимся циклам. Существует *благотворный цикл*, в котором улучшения в человеческом развитии приводят к более высокому уровню экономического роста, что в свою очередь способствует человеческому развитию в дальнейшем. Также существует *негативный цикл*, в котором недостаточное развитие человеческого потенциала тормозит экономический рост, что впоследствии еще больше снижает уровень человеческого развития.

Результаты исследований указывают нам на то, что переход к благотворному циклу при неравномерном развитии практически невозможен. Они подчеркивают, что без человеческого развития невозможно поддерживать экономический рост в долгосрочной перспективе. Из этого можно сделать вывод о том, что вхождение в благотворный цикл обусловлено своевременным учетом вопросов развития человеческого потенциала на уровне принятия политических и других решений (политик). Эти сведения приводят нас к тому, что продвижение прав человека, таких как права на образование, на здоровье, на воду и питание, на жилье и социальную защиту, это ключ к благотворному и устойчивому человеческому и экономическому развитию, и что меры по продвижению прав человека должны пониматься как меры экономического роста, а не только как его результат.

Управление, институты власти и устойчивый экономический рост

Существует позитивная связь между управлением и институтами власти, с одной стороны, и экономическим ростом, с другой. Исследования говорят нам о том, что в плане повышения уровня доходов, работа государственных учреждений является самым ключевым и определяющим фактором.

Эффективная, ответственная работа институтов, учреждений и системы управления являются одним из наиболее надежных определяющих факторов роста наряду с макроэкономическими, географическими и демографическими факторами. Стандарты и принципы прав человека, связанные с правом собственности, свободой информации, общественного участия и подотчётности институтов власти, особенно способствуют эффективной работе институтов и систем управления.

Конфликт, политическая нестабильность и устойчивый экономический рост

Показатели роста ВВП на душу населения оказываются значительно ниже в странах с политической нестабильностью, когда имеется риск смещения или отставки правительства. Исследования говорят о том, что с каждым смещением чиновника с должности за год (понимается как индикатор политической нестабильности) темпы экономического роста в стране снижаются в среднем на 2.39 процентных пункта.

Другое исследование приходит к выводу, что страны, находящиеся в условиях гражданской войны, демонстрируют снижение показателей экономического роста на 0.01–0.13 процентных пункта, а у стран-участниц международных конфликтов показатели снижаются на 0.18–2.77 процентных пункта. Снижение проявляется сильнее в недемократических бедных странах, а также в странах Африки.

Исследователи конфликтов приходят к выводу, что важнейшим катализатором военных конфликтов является не личное, а групповое (т.н. *горизонтальное*) неравенство. Эта точка зрения подкреплена множеством статистических и тематических исследований, связывающих глубокое экономическое и социальное неравенство со значительным ростом рисков возникновения конфликта. Кроме того, группы населения, чей уровень благосостояния оказывается значительно выше или ниже средних показателей в стране, с более высокой вероятностью окажутся в ситуации гражданской войны. Другие исследования обнаруживают, что горизонтальное неравенство в образовании, безработице и особенно в детской смертности непосредственно связано с возникновением неприязни на этнической и религиозной основе.

Следовательно, продвижение и защита прав человека, связанные с дискриминацией и неравенством, имеют значительный потенциал в деле устранения коренных причин нестабильности и конфликтов. В частности, продвижение прав человека с высокой вероятностью снижает риски возникновения конфликтов, обеспечивая равный и недискриминационный доступ к социальным услугам и участию в политической жизни, а также создавая для уязвимых групп механизмы подотчетности и рассмотрения жалоб.

ВВЕДЕНИЕ

1 ВВЕДЕНИЕ

Целью рабочего документа является исследование экономики прав человека, а именно, значения прав человека, как инструмента в достижении устойчивого экономического роста, в соответствии с четырьмя wybranными темами: неравенство и перераспределение ресурсов, человеческое развитие, управление и институты власти, а также конфликт и политическая нестабильность. Эти темы были выбраны потому, что они потенциально связаны с основной темой исследования. Другие темы, такие как устойчивое управление природными ресурсами и климатические изменения, также могут быть исследованы, но на первичном этапе работы были выбраны только эти четыре темы. Данная публикация предназначена главным образом для исследователей и субъектов, занимающихся проблемами прав человека, но мы также надеемся привлечь более широкую аудиторию из групп и лиц, заинтересованных в глобальном управлении.

В данном документе экономический рост выступает не как самоцель, но как одно из нескольких возможных средств для достижения всеобъемлющих социальных целей. Широкомасштабные Цели Устойчивого Развития (ЦУР) предполагают более легитимную основу для деятельности в области развития и обеспечения прав человека, чем цели развития, обусловленные только экономическим ростом. Таким образом, понимание обеспечения прав человека как инструмента реализации целей устойчивого развития, целесообразно не только потому, что обеспечение прав человека уже включено в формулировку ЦУР, но и в инструментальном плане: такая интеграция сделает экономический рост более эффективным и легитимным.

Тем не менее, предположение, что меры, связанные с социальным развитием и обеспечением прав человека, положительно сказываются на показателях экономического развития, все еще является предметом дискуссии¹. Самые недавние научные дебаты такого рода велись в контексте экономической политики

¹ Терминология: при обсуждении и рассмотрении общей темы документа мы обращаемся к экономическому развитию, указывая на то, что изменения, обсуждаемые в рабочем документе, касаются не только экономического роста, но и форм экономической трансформации. В то же время, при обсуждении конкретных аналитических моментов рабочего документа, таких как рассматриваемые пути развития, мы пользуемся формулировкой «экономический рост», чтобы следовать терминологии, используемой в анализе, на котором основывается рабочий документ.

Индии между Ягдишем Бхагвати и Арвиндом Панагария с одной стороны, и Амартией Сеном вместе с Жаном Дрезом с другой. В то время, как представители старой школы видели в экономическом росте панацею от бедности в Индии, Амартия Сен и Жан Дрез выступали за перераспределение государством усилий по экономическому преобразованию². Учитывая, что эти и подобные дебаты все еще продолжаются, а также учитывая исторические примеры, такие как достижения в области экономического роста Китая в последние десятилетия или Южной Кореи в 1960-х и 1970-х гг. в ситуации несоблюдения прав человека, мы не имеем намерения утверждать, что подход к экономическому росту, основанный на правах человека, является единственным путем. Наше намерение состоит в том, чтобы исследовать, насколько этот путь эффективен, что важно для реализации ЦРТ. Таким образом, наша работа основана на описательных статистических данных, но также имеет нормативное значение.

Данная работа рассматривается в контексте развития, где защита прав человека выступает одним из факторов, образующих повестку дня в области развития на национальном и международном уровне. В повестке дня для устойчивого развития на период до 2030 года действие глобальных механизмов развития и изменений направлено на такие аспекты действительности, как бедность, социальные изменения, равенство, инклюзивный рост, экологическая устойчивость планеты и связанные с ней климатические изменения, а также подотчетность институтов и поддержание мира.³ В контексте Повестки 2030 важна неделимость этих движущих факторов, а значит, ни один из них не должен становиться приоритетным на фоне других. Повестка 2030 придает особое значение созданию средств имплементации ЦРТ на основе государственного и частного финансирования, налогообложения, облегчения бремени задолженности, прямых иностранных инвестиций, торговли и экономического партнерства. Этот аспект далее разрабатывается в Аддис-Абебском Плане Действий по финансированию развития, где определены девять областей, в которых наиболее необходимы новые инициативы.

Настоящий документ вводит вопросы прав человека в дискуссию по поводу средств имплементации Повестки 2030. Показав, как аспекты социального развития, связанные с осуществлением прав человека, могут способствовать экономическому росту, документ представляет осуществление прав человека одним из факторов, могущих способствовать созданию средств имплементации Повестки 2030 в интересах устойчивого развития.

Связь между реализацией прав человека и экономикой может пониматься двумя разными способами. С одной стороны, защита окружающей среды, укрепление мира и устойчивый экономический рост – это факторы, способствующие реализации

² Эти позиции представлены в Bhagwati and Panagariya (2014), а также Sen and Drèze (2013) соответственно.

³ За декабрь 2014 г. Генеральный секретарь ООН определил движущие факторы развития как “the five Ps”, т.е. People, Planet, Prosperity, Peace, and Partnership (Люди, Планета, Процветание, Мир и Партнерство). Пять “P” были повторены в итоговом документе Генеральной Ассамблеи ООН (см. United Nations, General Assembly, 2015).

прав человека. В тоже время, реализация прав человека способствует прогрессу, обусловленному этими факторами.

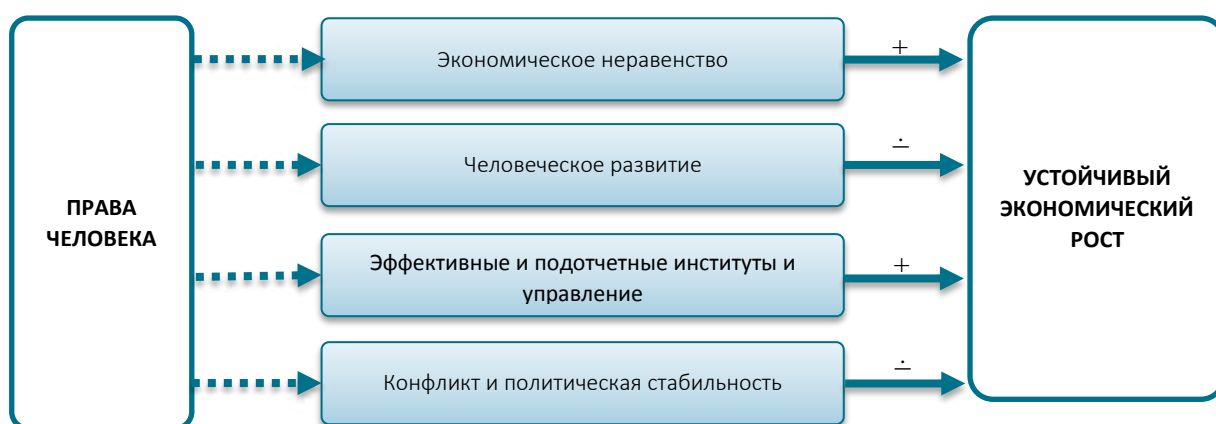
С одной стороны, осуществление и защита прав человека выступают основополагающей целью развития. Этот подход принято называть “подходом ответственности”, и он подразумевает развитие как право человека со всеми предлагающимися к этому праву обязанностями. Подход основанный на правах человека применяется здесь к процессам развития как единственно *правильный* (в нормативном смысле) подход. Второй подход рассматривает осуществление прав человека как *средство* развития, как своеобразный инструмент для достижения целей экологического, социального и экономического роста. Этот подход называем “подходом возможностей” (см. Seymour and Pincus, 2008; The World Bank, the Nordic Trust Fund and ICF/GHK, 2012).

На практике оба подхода должны работать сообща. Права человека, как нормативно-правовая концепция, должны соблюдаться независимо от экономических возможностей государства. Тем не менее, способность стран соблюдать этот принцип ограничена объемом доступных для них ресурсов. Таким образом, мобилизация ресурсов и установление приоритетов являются проблемами не только экономическими, но и ключевыми в контексте прав человека. Как заявляют эксперты, существует множество возможностей для диалога между сторонниками экономического роста и реализации прав человека. Несостоятельность диалога, которую мы имеем на сегодняшний день, не в последнюю очередь связана с проблемами языка и восприятия.

В остальном данная работа представляет собой взгляд на проблему отношений устойчивого экономического роста и реализации прав человека с точки зрения подхода возможностей. Документ главным образом опирается на литературу в области эмпирической экономики и других научных областях, основанную на качественном исследовании. Это означает, что наша работа основана на совокупности среднестатистических данных. При этом, каждая из четырех рассмотренных тем могла быть исследована с других точек зрения, с применением различных аналитических подходов, опираясь на другие виды данных. Для выработки лучшего и более глубокого понимания потенциальных (как позитивных, так и негативных) связей между реализацией прав человека и экономическим развитием необходимо более детальное изучение этих исследований. Кроме того, благодаря будущим исследованиям, основывающимся на конкретных случаях, можно добиться улучшения ситуации в каждой из этих четырех областей. Следовательно, то, что данный документ отдает прерогативу количественным исследованиям, никоим образом не дискредитирует качественные методы сбора и обработки данных. Этот подход позволил произвести оперативный поиск информации для общего понимания ситуации в этой потенциально обширной области исследований, а также выявить темы/сферы для будущих потенциальных исследований.

2 ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ ЭКОНОМИКИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Помещенная ниже схема является иллюстрацией подхода возможностей. В ней показаны потенциальные связи между реализацией прав человека и устойчивым экономическим ростом. Промежуточными факторами, связывающие права человека и экономический рост являются: а) экономическое неравенство, б) человеческое развитие, в) институты и управление и г) конфликты и политическая нестабильность.

Далее в документе эти связи анализируются более детально. Поскольку тема отношений между реализацией прав человека и устойчивым экономическим ростом остается недостаточно исследованной, речь пойдет в основном о взаимосвязи между промежуточными факторами и экономическим ростом (на схеме – стрелки, обозначенные сплошными линиями). Такой подход обусловлен рядом ограничений, описанных ниже.

Во-первых, связи, возникающие между реализацией прав человека и промежуточными факторами (на схеме – стрелки, обозначенные прерывистыми линиями), в данном документе остаются скорее умозрительными. Понимание всего спектра причинно-следственных связей, как и осмысление эмпирических данных о влиянии реализации прав человека на промежуточные факторы, требует дальнейшего анализа. И тем не менее, концептуально имплементация прав человека неотделима от промежуточных факторов, так как промежуточные факторы по определению неразрывно связаны с правами человека.

Во-вторых, исследования, использованные для данного анализа, оценивают экономический рост на основе показателей ВВП и на том, будет ли этот рост устойчивым и долгосрочным. Однако, такой способ измерения экономического роста не позволяет судить о его качественных свойствах, таких как социальная доступность (инклюзивность), экологическая устойчивость и способность к созданию рабочих мест. Используя традиционное понятие роста ВВП, мы исходим

из того, что включение вопросов прав человека в экономическую повестку будет способствовать развитию такой формы экономического роста, которая наращивает не только капитал экономический, но также экологический и социальный. Таким образом, несмотря на то, что основные эмпирические данные анализа основаны на показателях роста ВВП, основным аналитическим аргументом работы остается, что такой рост может быть жизнеспособен, только если он не подрывает равенство, развитие человеческого потенциала, институтов и стабильности. Законодательные рамки и институты, необходимые для обеспечения устойчивого роста и справедливого распределения его благ, таких как, например, прогрессивное налогообложение или ответственное ведение бизнеса, не обсуждаются в данном документе.

В-третьих, существует множество контраргументов концепции, утверждающей, что равенство, развитие человеческого потенциала, эффективных и ответственных институтов, а также политическая стабильность обеспечивают устойчивый экономический рост. В данном случае в пример приводится рост экономики Китая с начала 1970-х гг. в условиях отсутствия ответственных институтов, а также устойчивый рост экономики в условиях растущего неравенства. Оценка этих примеров не входит в рамки данного документа, но их достоинства и недостатки, безусловно, должны быть приняты во внимание прежде чем делать выводы на уровне принятия новых политик и других структурных изменений.

В-четвертых, рабочий документ рассматривает специфику и последствия экономического роста скорее в пределах отдельных стран, чем в отношениях между странами. Таким образом, влияние глобальных финансовых потоков, включая доходы от налогов и торговли, не входят в данный анализ, хотя они, безусловно, оказывают влияние как на уровень неравенства, так и на экономический рост.

ЭКОНОМИКА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ БИЗНЕСА

Если аспекты социального развития, связанные с правами человека, могут обусловить макроэкономический рост, логично предположить, что бизнес, как и общество в целом, извлечет из этого коллективную выгоду. Снижение экономического неравенства и укрепление человеческого развития обеспечивают для компаний большее количество здоровой и квалифицированной рабочей силы. Более эффективная работа институтов власти и систем управления приводит к более прозрачным и предсказуемым условиям работы для компаний, снижению коррупции, усилению прав собственности и уменьшению затрат на ведение бизнеса. Уменьшение политической нестабильности снижает риск простоев, потери активов или доступа к рынкам. Другими словами, компании и инвесторы лично заинтересованы в правах человека как общественном благе, которое приносит выгоды для бизнеса.

В последнее десятилетие наблюдается повышенный интерес к роли компаний в осуществлении прав человека. Но большая часть этих дискуссий сосредотачивалась скорее на влиянии компаний на ситуацию с правами человека, чем на важности осуществления прав человека для компаний. Широко распространено мнение, что частные субъекты сегодня ответственны за соблюдение прав человека (Business & Human Rights Resource Centre, 2015). Однако, так как эта ответственность не является прямой обязанностью, многие спорят, существует ли экономическое обоснование соблюдения прав человека для компаний.

Исследования показали, что компании, в которых развиты программы корпоративной социальной ответственности, как правило, достигают несколько больших финансовых успехов, чем другие компании. Тем не менее, нельзя со всей определенностью сказать, что существует причинно-следственная связь между тем, чтобы поступать «хорошо» (нормативно-правильно), и достижением финансового успеха (Margolis et al, 2009). Недавнее исследование от финансовой компании Nykredit показывает сильную положительную корреляцию между уровнем интеграции требований в отношении окружающей среды, общества и корпоративного управления (ОСОКУ) и доходностью акционерного капитала у пяти тысяч глобальных корпораций (Dahl and Larsen, 2014). Между тем, в недавнем обзоре компании Economist Intelligence Unit, лишь 21% респондентов из 860 руководителей компаний говорят, что они видят четкое экономическое обоснование для соблюдения прав человека (The Economist Intelligence Unit, 2015).

В конечном счете, стимулы по соблюдению прав человека для компаний на сегодняшний день кажутся слабыми и неопределенными. Отношения между бизнесом и осуществлением прав человека сводятся к так называемой «проблеме безбилетника». При том, что компании коллективно заинтересованы в осуществлении прав человека как общественном благе, приносящем выгоду для бизнеса, отдельные компании не имеют стимулов для обеспечения и поддержки этого общественного блага на практике. Привлечение внимания к важности реализации прав человека для экономического развития может обеспечить соответствующим инициативам большую поддержку как в деловых и финансовых кругах, так и в государственных структурах.

3 НЕРАВЕНСТВО, ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ РЕСУРСОВ И УСТОЙЧИВЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

Связи между неравенством и устойчивым экономическим ростом сложны, однако в соответствующей литературе указаны некоторые из них, как позитивные, так и негативные. Позитивные связи проявляются, если предположить, что богатая часть населения, за счёт сбережений от дохода, создает ресурс для развития частного предпринимательства и стимул для повышения работоспособности и мотивации работать, тем самым в обществе повышается уровень сбережений и инвестиций, что важно в условиях развивающейся страны со слабыми кредитными институтами. С другой стороны, неравенство может препятствовать росту, так как недостаточный уровень здравоохранения и образования для беднейших слоев населения приводит к снижению человеческого капитала и, следовательно, снижает производительность труда. Более того, это грозит подрывом политической и экономической стабильности, а также социального консенсуса, необходимого для достижения устойчивого роста (Ostry et al., 2014: 7-8).

Помимо «прямых» последствий, описанных выше, общепризнано, что неравенство влияет на экономическое развитие из-за неизбежно возникающей проблемы перераспределения ресурсов. В экономической литературе наиболее распространено мнение, что перераспределение ресурсов ведет к ослаблению экономического роста, так как, вмешиваясь в работу рыночных механизмов, оно снижает стимул к работе и инвестированию. Вместе с тем, экономисты признали, что некоторые виды перераспределения способствуют росту, например, если за счет перераспределения, средства вкладываются в общественные блага, тратятся на социальные нужды или смягчение негативных последствий, вызванных несовершенством рынков капитала и труда. В такой ситуации перераспределение может способствовать достижению равенства и экономического роста (обзоры статей по ссылкам см. Ostry et al., 2014; Birdsall, 2007; Easterly, 2007). Таким образом, мы приходим к выводу, что неравенство может иметь как позитивные, так и негативные последствия для экономического роста, и его устойчивости. Но о чем говорят эмпирические исследования?

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Вопросы связи между распределением доходов и уровнем экономического роста обсуждаются экономистами со времен Второй Мировой Войны. Однако, до недавнего времени главной задачей было исследование *влияния экономического роста на уровень неравенства* (например, Kuznets, 1954), в то время как обратная связь изучалась сравнительно редко (Easterly, 2007: 2). При этом за последние десятилетия появился ряд исследований, проливающих свет на то, каким образом неравенство в распределении доходов может способствовать или препятствовать устойчивому экономическому росту. Изучив соответствующую литературу, Ф. Стюарт

приходит к выводу, что “значительное число исследований, обнаруживающих данные связи, дает возможность с уверенностью говорить о существовании позитивных связей между неравенством и экономическим ростом, что, несомненно, опровергает заключения об обратном, сделанные ранее” (Stewart, 2000: 8).

В. Истерли (2007) в своей статье начинает с утверждения, что при очевидной эмпирической связи между уровнями неравенства и дохода на душу населения, вопрос о направленности причинно-следственной связи в литературе по теме все еще не решен. В имеющейся на данный момент литературе определенно не устанавливается насколько неравенство препятствует увеличению доходов и/или росту, или же неравенство снижается как следствие роста доходов, якобы потому, что общества с высоким уровнем дохода могут позволить себе перераспределять богатства (Easterly, 2007: 4). Поясняя направление причинно-следственной связи, Истерли использует т.н. “метод инструментальных переменных” и приходит к выводу, что уровень неравенства в среднем за период с 1960 по 1998 гг. имеет прямую причинно-следственную связь с уровнем доходов на душу населения (будь то уровень доходов, рассчитанный по коэффициенту Джини, или доля дохода в верхнем квинтиле). На основе этого положения Истерли делает вывод, что “неравенство действительно ведет к понижению уровня развития”. Кроме того, подтверждая некоторые из приведенных выше теоретических связей, он считает, что неравенство снижает рост экономики, главным образом препятствуя появлению высокоразвитых институтов/учреждений и накоплению человеческого капитала бедной частью населения.

Аналогичным образом, Дж. Остри и его соавторы (2014) подчеркивают, что статистические данные подтверждают общее предположение о том, что неравенство препятствует росту экономики (2014: 8). Они отмечают, что многие исследования обнаружили отрицательную связь между неравенством и показателями роста в долгосрочной перспективе, уровнями доходов в разных странах, а также продолжительностью периодов роста, и что только некоторые исследования, посвященные краткосрочным колебаниям роста, привели к другим выводам. Более того, Дж. Остри и его соавторы утверждают, что исследования, в которых используется т.н. метод инструментальных переменных (как и у Истерли), а также метод запаздывающих переменных, позволяют предположить, что именно неравенство влияет на экономический рост, а не наоборот (Ostry et al., 2014: 10).

В исследовании Дж. Остри и соавторов (2014) также примечательно, что авторы одновременно изучают влияние неравенства и перераспределения ресурсов в рамках единой аналитической системы. Такая задача не могла быть решена ранее из-за нехватки данных. Для того, чтобы раскрыть взаимосвязь между неравенством и перераспределением ресурсов, они использовали актуальный набор данных, описывающий 153 страны в период с 1960 по 2010 гг., анализируя темпы и продолжительность периодов роста. Исходя из этого, ученые делают два основных вывода. Первый вывод: неравенство оказывает негативное влияние как на масштабы, так и на продолжительность экономического роста, даже принимая во

внимание отдельные последствия перераспределения ресурсов. Второй вывод: существует мало доказательств, подтверждающих широко распространенное мнение, что перераспределение ресурсов препятствует экономическому росту. Суммируя данные выводы, авторы заявляют: “средний результат по выборке — это беспроигрышная ситуация, в которой, учитывая потенциальные негативные и позитивные последствия достигнутого снижения неравенства, перераспределение в целом стимулирует рост экономики” (2014: 17). Таким образом, авторы подчеркивают, что “перераспределение в целом стимулирует рост экономики за исключением, возможно, случаев чрезмерно большого уровня перераспределения” (2014: 23; также см. Dabla-Norris et al, 2015).

Как показывают описанные выше исследования, существует масса доказательств того, что неравенство (по крайней мере до определенного уровня) отрицательно сказывается на уровне экономического роста. Более того, исследования приводят нас к выводу, что растущий уровень неравенства прежде всего сказывается на создании институтов/учреждений и формировании человеческого капитала. Принимая во внимание эти идеи, можно задаться вопросом, какая роль отведена правам человека в борьбе с неравенством.

РОЛЬ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Горячо обсуждаемым сегодня является вопрос о том, обеспечивают ли механизмы защиты прав человека подходящую платформу для борьбы с неравенством. С одной стороны, можно утверждать, что продвижение социально-экономических прав в сочетании с основополагающими принципами в области прав человека - универсальность, человеческое достоинство, не-дискриминация, равный и открытый доступ - могут способствовать снижению неравенства. Таким образом, крайнее неравенство выступает «антитезой правам человека» (Alston, 2015). Перераспределение через систему налогообложения, которое непосредственно влияет на распределение благ в обществе, требуется для осуществления прав на образование, здравоохранение и т.д. Также более равноправный доступ к социальным услугам, вероятно, поможет обеспечить социально незащищенные слои населения ресурсами для увеличения их доходов.

С другой стороны, некоторые ученые, в числе которых Сэмюэл Мойн, выступали с критикой механизмов защиты прав человека за неспособность существенно влиять на ситуацию неравенства. По их мнению, эти механизмы обеспечивают лишь базовый уровень защиты, не стремясь его повысить. В ситуации, когда требуемые минимальные стандарты социальной защиты соблюдены, проблемы неравенства могут решиться инструментарием прав человека только в том случае, если неравенство это напрямую связано с дискриминацией (Moyn, 2015).

Описанные выше доводы важны для осмысления взаимосвязи между осуществлением прав человека и развитием экономики. Можно предположить, что в современном мире, учитывая высокий уровень неравенства как локального, так и глобального, продвижение прав человека (в особенности социальных и экономических прав) приведет к более равномерному распределению ресурсов и

возможностей. И все же решение вопроса о взаимосвязи между правами человека и неравенством должно основываться на большем количестве эмпирических данных для дальнейшего исследования.

4 ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И УСТОЙЧИВЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

Гипотетически можно предположить, что причинно-следственные связи между человеческим развитием и экономическим ростом работают в обоих направлениях. С одной стороны, экономический рост положительно влияет на человеческое развитие, обеспечивая население доходом, который будет потрачен на продукты питания, воду, образование, медицинское обеспечение и т.д., а также давая государству финансовый ресурс для инвестирования в сферу социальных услуг. При этом необходимо понимать, что ни один из этих эффектов не действует по умолчанию. Их действие зависит от того, как доходы распределяются между домохозяйствами как субъектами экономики, а также от того, насколько государство способно повышать эти доходы и какие расходы на социальные нужды считаются приоритетными. С другой стороны, человеческое развитие само по себе способствует росту экономики, повышая производительность труда, развивая технологический потенциал и инновации, а также внося свой вклад в развитие основных государственных институтов, таких как эффективная судебная система и правительство (Ranis, Stewart and Ramirez, 2000: 199-203).

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Существует ряд исследований взаимосвязи между человеческим и экономическим развитием. Эконометрические исследования позволяют с уверенностью утверждать, что формирование человеческого капитала является важным фактором, определяющим рост (напр. Barro, 1991; Mankiw et al, 1992; Levine and Renelt, 1992; Barro, 2003). Г. Ранис, Ф. Стюарт и А. Рамирес в своей работе (2000) досконально исследуют эту двухстороннюю связь на основе выборки, охватывающей до 76 развивающихся стран в период с 1960 по 1992 гг. Рассматривая влияние экономического роста на уровень человеческого развития, авторы задаются вопросом: объясняется ли ожидаемая продолжительность жизни в период с 1970 по 1992 гг. (взята в качестве показателя уровня человеческого развития) уровнем роста ВВП на душу населения в период с 1960 по 1992 гг.? Авторы приходят к выводу, что экономический рост оказывает значительный положительный эффект, так как страны с более высоким уровнем экономического роста в период с 1960 по 1992 гг., как правило, демонстрировали увеличение продолжительности жизни с 1970 по 1992 гг. Что касается обратного направления связи (от человеческого развития к экономическому росту), ученые считают, что увеличение ожидаемой продолжительности жизни и уровня грамотности в более ранние периоды имеют заметное положительное влияние на экономический рост в более поздние периоды.

На основе этого Г. Ранис, Ф. Стюарт и А. Рамирес (2000) описывают взаимосвязь между человеческим развитием и экономическим ростом посредством двух самоусиливающихся циклов: *благотворный цикл*, в котором усиление человеческого развития приводит к более высокому экономическому росту, что в свою очередь способствует человеческому развитию; и *негативный цикл*, в котором недостаточное человеческое развитие угнетает экономический рост, что, в свою очередь, еще больше подрывает человеческое развитие. Кроме того, может возникнуть ситуация *одностороннего развития*, если экономический рост не влечет за собой усиления человеческого развития (например, из-за того, что государство не перераспределяет доходы на покрытие нужд в области здравоохранения и/или образования), или потому что человеческое развитие не приводит к увеличению темпов роста экономики. Исследуя то, как страны развивались относительно этих процессов, авторы пришли к интересному выводу: треть всех стран, в которых человеческое развитие не сопровождалось экономическим ростом, за одно десятилетие вошли в благотворный цикл, в то время как все страны, в которых приоритет отдавался экономическому росту, постепенно вошли в цикл негативный. Это говорит о том, что, придерживаясь модели развития, ориентированной преимущественно на экономический рост, практически невозможно добиться благоприятного цикла. Таким образом, не сопровождаемый человеческим развитием рост экономики невозможно поддерживать в долгосрочной перспективе.

Однако, вопрос о том, каким образом страны, находясь в негативном цикле, выходят из него благодаря человеческому развитию, чтобы потом добиться благотворного цикла, остается открытым. Авторы отмечают, что странам следует в первую очередь стремиться к усилению развития человеческого потенциала, например, выделяя больше ресурсов на образование, здравоохранение или обеспечение более справедливого распределения доходов. Во-вторых, странам следует искать возможность перевести данные улучшения в область экономического роста, например, посредством инвестиций или политических реформ. Не давая универсального «шаблонного» решения, Г. Ранис, Ф. Стюарт и А. Рамирес подчеркивают, что их исследование должно повлиять на установление последовательной политики. По словам ученых, “[человеческое развитие] должно быть усилено до того, как станет возможным достижение благотворного цикла. Политические реформы, целью которых является только экономический рост, вряд ли окажутся успешными” (2000: 213). Другими словами, мнение, что усиление человеческого развития уступает по важности росту экономики, а потому должно быть отложено до достижения экономического роста, оказывается глубоко ошибочным.

Эти результаты подтверждаются более поздней работой Т. Сури и соавторов (2011), основанной на более передовых статистических методах (включая метод панельной регрессии), и охватывающей более долгий период времени. Основной вывод и этой работы заключается в том, что меры по усилению человеческого развития должны предшествовать или, по крайней мере, сопровождать меры политики,

ориентированной на экономический рост, если речь идет об устойчивом и прогрессирующем росте" (2011: 519; см. также Boozer et al, 2003; Ranis, 2005; Ranis and Stewart 2006; 2007).

Интересно отметить, что гендерное неравенство в плане человеческого развития, как выяснилось, негативно влияет на экономический рост. Н. Кабир и Л. Натали (2013) делают обзор многих исследований в области гендерного равенства и экономического роста. Некоторые из них приходят к выводу, что гендерные различия в уровне образования ослабляют экономический рост (напр. Hill and King, 1995; Klasen and Lamanna, 2009). Резюмируя эти сведения, авторы отмечают, что "выводы о положительном влиянии женского образования на экономический рост представляются достоверными..." (2013:20). Кроме того, они отмечают, что существуют "также убедительные, но менее достоверные сведения" о том, что гендерное неравенство в участии в трудовой деятельности и формальной занятости оказывают негативное воздействие на экономический рост (Там же: 20; Klasen, 1999; 2002; Klasen and Lamanna, 2009). В обоих случаях негативное влияние гендерного неравенства действует *напрямую*, например, через снижение производительности труда вследствие неоптимального использования рабочей силы, а также *косвенно*, например, отражаясь на фертильности и здоровье (Kabeer and Natali, 2013: 20).

РОЛЬ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Как результаты этих исследований повлияют на наше представление о возможной взаимосвязи осуществления прав человека и экономического развития? При том, что ни одно из рассмотренных исследований не затрагивает тему прав человека напрямую, можно предположить, что реализация прав человека, в частности, социально-экономических прав, таких как право на образование, здравоохранение и социальную защиту, является эффективной стратегией достижения благотворного цикла человеческого и экономического развития. Такая стратегия привела бы не только к экономическому росту в результате наращивания человеческого капитала и увеличения экономической эффективности. Она эффективно обеспечивала бы инклюзивный и справедливый способ распределения получаемых экономических ресурсов. По словам Г. Раниса, Ф. Стюарта и А. Рамиреса (2000) предпосылкой экономического роста является направленность на человеческое развитие. Основываясь на принципах недискриминации и равного доступа, поощрение прав человека с высокой вероятностью ослабляет гендерное неравенство в плане человеческого развития, таким образом способствуя экономическому росту как напрямую, так и косвенно. Однако, существованию этих связей между реализацией социально-экономических прав и экономическим развитием до сих пор уделялось недостаточно внимания в соответствующих исследованиях.

5 УПРАВЛЕНИЕ, ИНСТИТУТЫ/УЧРЕЖДЕНИЯ И УСТОЙЧИВЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

Важность институциональной базы для достижения экономического роста является на сегодняшний день общепризнанной (Rodrik 2002, Rodrik, Subramanian and Trebbi 2004, McKay and Vizard 2005, and Moral-Benito 2009). При этом значение институциональной теории для устойчивости экономического роста оставалось темой дискуссий еще десять лет назад, особенно в контексте Новой Институциональной Теории (*неоинституционализм*). В середине 1990-х гг. неоинституционализм предлагает свое видение государства и рынка, принципиально расходящееся с позициями неоклассической экономики, которая процветала в эпоху политики структурной перестройки, особенно в 1980-е гг. В это время исследователей в основном занимали случаи безуспешного вмешательства государства в работу рыночных механизмов, в то время как в неоинституционализме подчеркивалась важность роли государства в обеспечении благоприятных условий развития для рынка, например, с помощью механизмов, гарантирующих соблюдение условий контрактов и верховенство права. Учреждения способствуют экономическому росту, когда борются с неэффективностью рынка, наделяя властью группы лиц, заинтересованных в обеспечении прав собственности. По той же причине государственные институты стремятся эффективно ограничить возможности представителей власти, а также предотвратить злоупотребление представителями власти и уполномоченными субъектами своих полномочий (Acemoglu et al. 2005).⁴

Понимание учреждений в неоинституционализме смещается в сторону максимальной эффективности государства (The World Bank, 1997). Новая институциональная теория ставила вопрос не только о том, как заставить государство и рынок взаимно усиливать друг друга, но еще и о том, как институциональные изменения происходят в обществах и культурах, не доминирующих в мировом масштабе. Адаптация к новым торговым и технологическим возможностям в разных обществах проходит по-разному. Зависимость от предшествующего пути развития (привычка, обусловленная историческим развитием) и неспособность быстро трансформироваться могут тормозить вполне целесообразные изменения правил работы и организации институтов, которых требует рынок (Toye, 1995).

Таким образом, неоинституционализм предлагает два видения вопросов развития: а) целью институтов является, помимо прочего, экономический рост, устойчивый на макроуровне, и б) институциональные изменения, какими бы рациональными и

⁴ Учреждения как основная предпосылка долгосрочного роста экономики.

логическими они не казались, зачастую сдерживаются институциональной памятью того или иного учреждения – привычкой функционировать на определенный лад.

Одновременно с вновь возросшим интересом к вопросам значения институтов в вопросах роста и эффективности экономики, стал очевидным вопрос хорошего управления. Эта перспектива добавила внимания качественным показателям деятельности государственных учреждений по отношению к объясняющим переменным показателям, к которым можно обратиться для понимания неудач развития. Эти параметры связаны с системами отчетности в управлении ресурсами, с практикой широкого участия в принятии решений и распределении ресурсов, а также с прозрачностью и не-коррупционностью власти. С конца 1990-х гг. Д. Кауфман и А. Крэй и их коллеги утверждали, что управление важно для удовлетворительных результатов развития (в качестве критериев использованы уровни дохода на душу населения, младенческой смертности и грамотности) (Kaufmann, Kray, and Zoido-Lobaton, 1999).⁵ В то же время, как показано ниже и во введении, связь чаще всего обнаруживают между институтами и управлением, либо между управлением и осуществлением прав человека как на теоретическом, так и на практическом уровне. При комплексном обзоре редко рассматриваются связи между всеми тремя аспектами, т.е. и осуществлением прав человека, и управлением, и устойчивым экономическим ростом.

По определению Д. Норта учреждения состоят из формальных правил, неформальных ограничений, а также характера их правоприменения. Эффективное правоприменение часто основывается не столько на формальных, сколько на неформальных правилах поведения (North, 2003; смотреть также North, 1991). Управление можно понимать, как свойство институтов, связанное с управлением ресурсами и осуществлением властных полномочий. Д. Кауфман, А. Крэй и М. Мастрucci определяют управление как *“традиции и институты, посредством которых в стране осуществляется власть. Сюда входит процесс избрания, контроля и смены правительства, потенциал правительства в плане разработки и осуществления разумных политических мер, а также уважение гражданами и государством институтов, регулирующих экономическое и социальное взаимодействие между ними”* (Kaufmann, Kraay and Mastruzzi, 2009).

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Литература на тему основных факторов, обуславливающих экономический рост, дает отправную точку к пониманию общей роли институтов и институционального

⁵ См. также Kaufmann, Kraay and Mastruzzi, 2009. В обзоре публикации говорится: *“Результаты исследований указывают на то, что позитивный эффект для развития от эффективного управления очень высок. Существует несколько механизмов, по которым эффективность учреждений государственного сектора, а также независимость судебной системы, защита имущественных прав, гражданских свобод и свободы прессы, а также эффективность, нормативность и не коррупционность учреждений приводят к развитию, устойчивому в долгосрочной перспективе, и снижению бедности. Исследования показывают, что улучшение качества государственного управления на одно стандартное отклонение в долгосрочной перспективе приводит к снижению младенческой смертности на две трети, а также увеличению доходов в три раза.”*

развития. Д. Родрик, А. Субраманиан и Ф. Треби оценивают то, как работа учреждений, географическое положение и торговля способствуют повышению уровня доходов в разных регионах мира (Rodrik, Subramanian and Trebbi, 2004). В своем исследовании ученые делают вывод, что учреждения в этом смысле опережают по эффективности все остальные факторы. Размеры территории в лучшем случае оказывают слабое прямое воздействие на уровень доходов, в то же время косвенно влияя на качество работы учреждений. Влияние торговли на уровень доходов оказывается малозначительным, а часто и негативным, так как увеличивается разбежка в уровне доходов.

Основываясь на анализе 35 переменных факторов в 73 странах в период с 1960 по 2000 гг., Э. Морал-Бенито (2012) делает вывод, что экономические факторы (стабильное макроэкономическое положение), институциональные и управленческие факторы (в качестве показателя используется степень осуществления политических прав и гражданских свобод граждан), географические (удаленность от основных мировых рынков, а также обеспеченность природными ресурсами) и демографические факторы (продолжительность жизни, соотношение рабочей силы к общей численности населения, а также уровень прироста населения) являются верными условиями экономического роста. Наиболее надежными показателями оказываются стоимость инвестиций, расстояние до крупных городов, а также степень осуществления политических прав человека (Moral-Benito, 2012.)

Одной из основных сложностей при оценке роли учреждений для экономического роста является недостаток эмпирических данных. Д. Кауфман вместе с коллегами долгое время стараются убедить общественность в том, что, хотя они и толкуют свой индекс управления через призму понимания данных, агрегированные показатели семейства индексов World Governance Indicators (WGI) применимы для широких «сквозных» сопоставлений и для оценки общих тенденций в долгосрочном периоде (2009,5 *supra* note 5). Вместо того чтобы разделять «объективные» и «субъективные» методы измерения, они подчеркивают важность сопоставления формальных правил и законов с их реализацией на практике. Подобный подход известен в области прав человека, так как в осуществлении прав человека и правозащитной практике вопрос индикаторов стоит весьма остро. Когда, к примеру, Д. Кауфман и соавторы включают меры по защите прав человека в оценку по индикатору «Права граждан и подотчетность государственных органов» (Voice and Accountability), они основываются на информации Базы данных о правах человека Чингранелли — Ричардса, которая содержит количественную информацию о состоянии основных гражданских и политических прав на экспертной основе (CIRI Human Rights Data Project).⁶ Подобный вопрос возник, когда Э. Морал-Бенито использовал данные проекта Freedom House по состоянию политических и гражданских свобод для оценки качества работы институтов, наличия свободных и справедливых выборов, а также децентрализованной политической власти (Moral-Benito 2012, 574, *supra* not

⁶ Смотреть также указания Энн Мари Кларк и Кэтрин Сиккинк по использованию этих данных краткие выводы об изменении ситуации в области прав человека (2013). Критический анализ и оценку показателей управления искать в Andrew Williams and Abu Siddique (2008).

9). В данном случае экспертные оценки также использовались для определения состояния гражданских прав и свобод.

Еще одна непростая в эмпирическом плане задача, связанная с оценкой институциональных изменений, это подбор замещающих переменных. Э. Морал-Бенито, например, приходит к выводу, что использование индекса политических прав для замещения институциональных рамок дает надежный детерминант экономического роста. Однако, принимая во внимание критику показателей Freedom House, на основе которых сделан такой вывод⁷, подобная оценка вызывает сомнения.

РОЛЬ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Значительная часть дискуссий о важности учреждений в экономической литературе сосредоточена на вопросах права на собственность и транзакционных издержек. При этом более широкие институциональные аспекты, такие как верховенство права, считаются неотъемлемой частью дискуссий о важности институтов (Sen, 2000). В последнем рабочем документе *Всемирного Доклада о Развитии за 2017 год* об управлении и правопорядке утверждается, что законодательное регулирование является основным механизмом выполнения организационных функций (The World Bank, 2015). Таким образом, меры по содействию и защите прав человека являются логическим шагом к укреплению законности и правовым реформам.

В процессе развития (в особенности в практике доноров) вопросы управления и усилий в области прав человека оказываются достаточно близкими. Некоторые доноры относят вопросы прав человека непосредственно к сфере управления, в то время как другие, действуя в соответствии с подходом к развитию, основанном на правах человека, как правило включают вопросы эффективного управления в программирование процессов развития.⁸ Тем не менее, большая часть литературы по вопросам прав человека и (надлежащему) управлению редко основывается на теории.

Однако, управление является одной из основных отправных точек, с помощью которых специалисты-практики и ученые в области прав человека могут анализировать вопросы учреждений. Стандарты в области прав человека предлагают ограниченный набор установок для (надлежащего) управления. Принцип ответственности и подотчетности учреждений, а также принцип открытости/участия в процессах управления, чаще всего перекликаются с вопросами управления, и потому нуждаются в отдельном рассмотрении. Один из аспектов реализации этих принципов, может оказаться особенно важным в продвижении эффективного управления, а именно процесс вовлечения населения в контроль действий институтов исполнительной власти. Такой процесс подразумевает

⁷ Д. Штайнер (2012) обнаружил необъективность Freedom House в оценке состояния демократии, особенно до 1989 г. Необъективность проявляется в связи между индексацией и отношениями между США и индексируемыми странами.

⁸ Примеры первого можно найти в DFID, а примеры последнего – в Danida (Broberg and Sano (готовится к печати)).

включение правообладателей в реализацию мониторинга и контроля над тем, как уполномоченные лица (носители обязанностей) реализуют программы, связанные с предоставлением социальных услуг и т.д. Подобные механизмы социальной подотчетности доказали свою эффективность, особенно на уровне местного самоуправления. Такие практики не ограничиваются деятельностью в области прав человека. Они дублируются в том, что принято называть управлением, ориентированным на потребности, или социальной подотчетностью акторов процесса развития, таких как Всемирный Банк (Ringold, Holla, Koziol, and Srinivasan, 2012; Sano, 2015).

Наконец, институциональный анализ, проделанный специалистами в области прав человека, будет иметь тенденцию не соответствовать как раз «формальной» архитектуре правозащитного мониторинга, а не «неформальным» размышлениям на тему правил заданной игры. Связь между институтами, управлением и реализацией прав человека рассматривается в правозащитной литературе с эмпирических позиций, но редко упоминается в системных моделях, объясняющих неудачи имплементации.

6 КОНФЛИКТЫ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ И УСТОЙЧИВЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

Политическая нестабильность и вооруженные конфликты сказываются на уровне экономического роста разными и многосложными способами, многие из которых описаны в научной литературе. Некоторые исследователи утверждают, что в регионах, подверженных политической нестабильности или вооруженным конфликтам, высока вероятность того, что правительство выстраивает линию поведения, опираясь на принцип «погони за выгодой/рентой», что ведет к принятию малоэффективных политик и неспособности проводить необходимые для устойчивого экономического роста реформы (Alesina and Tabellini, 1989; Polachek & Sevastianova, 2012). Другие полагают, что политическая нестабильность подрывает право собственности и верховенство закона, что в свою очередь создает ощутимые препятствия для частных инвестиций и «отпугивает» иностранных инвесторов (Svensson, 1998; Polachek & Sevastianova, 2012; Darby et al, 2004). Еще одно объяснение, связанное с предыдущими, говорит о том, что нестабильность и конфликты стимулируют правительства к заимствованию и использованию средств от инвестиций, особенно на военные нужды (Blomberg, 1996; Darby et al, 2004). К тому же не стоит забывать о прямых затратах, понесенных в результате разрушения инфраструктуры и другого физического капитала. Таким образом, существуют серьезные теоретические основания полагать, что политическая нестабильность и вооруженные конфликты отрицательно сказываются на уровне и устойчивости экономического роста. Но какие сведения дают нам эмпирические исследования?

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Результаты множества эмпирических исследований позволяют сделать вывод о том, что политическое насилие и нестабильность подрывают экономический рост. К примеру А. Алесина и соавторы (1996), используя массив данных из 113 стран на период с 1950 по 1982 гг., сделали вывод, что уровень роста ВВП на душу населения заметно понижается в странах с высокой политической нестабильностью, определяемой как высокая вероятность краха правительства (1996: 189). А. Фосу (2002) аналогичным образом рассматривает влияние случаев нестабильности политических элит (таких как случаи успешных переворотов, неудавшихся попыток переворота и заговоров с целью переворота) на темпы экономического роста в странах Африки к югу от Сахары в период с 1960 по 1986 гг. Обобщив выводы А. Фосу, можно сказать что все три вида переворотов негативно сказываются на уровнях роста, но наиболее сильно влияние неудавшихся переворотов.

Р. Йонг-а-Пин (2009) приходит к аналогичным выводам в своем исследовании влияния на экономический рост 25 аспектов политической нестабильности. Используя панельные данные, охватывающие от 78 до 94 стран на период с 1974 по 2003 гг., он доказывает, что нестабильность политических режимов (т.е. частота смены глав исполнительной власти, перевороты, крупные правительственные кризисы и т.д.) является единственным аспектом, оказывающим значительное негативное влияние на экономический рост. В противоположность этому, влияние массовых гражданских протестов и, как ни странно, политически мотивированного насилия на экономический рост, его анализу установить не удалось. Что же касается нестабильности *внутри* режима (к примеру, раздробленность и частота выборов) может в определенной степени даже способствовать экономическому росту (2009: 24). На основании этих исследований, торможение экономического роста в ситуации политической нестабильности получает довольно полное объяснение. А. Айзен и Х. Вейга (2013) в своей статье поддерживают данный вывод, основываясь на регрессии панельных данных по 169 странам с 1960 по 2004 гг. Ученые утверждают, что “политическая нестабильность существенно снижает экономический рост как статистически, так и экономически” (2013: 164).

Таковы исследования политической нестабильности, но что мы видим в ситуациях вооруженных конфликтов или международных войн? Ф. Старр (2010) рассматривает взаимосвязь между вооруженными конфликтами и экономическим ростом в странах Африки к югу от Сахары. Используя панельные данные из 44 и более стран в период с 1960 по 2005 гг., исследовательница обнаруживает двухстороннюю причинную связь, в которой конфликты подавляют экономический рост, в то время как экономические потрясения, в свою очередь, увеличивают риск возникновения конфликта. Первая связь оказывается более сильной, так как, согласно анализу, “шок, возникающий из-за конфликтов снижает показатели экономического роста приблизительно на 1 процентный пункт одновременно и продолжает влиять на уровень роста в течении последующих трех лет” (2010: 201). Тем не менее, главный вывод этого исследования состоит в том, что существующая степень риска возникновения конфликта напрямую зависит от более ранних конфликтов. Таким образом, “тенденция к сохранению и возобновлению конфликтов после того, как

они возникли” оказывается их сильнейшей движущей силой, в то время как экономическим показателям отводится меньшая роль (2010: 201).

Рассматривая ситуацию более детально, С. Полячек и Д. Севастьянова (2012) ставят вопрос о том, как разные типы конфликтов отражаются на показателях экономического роста стран. На основе панельных данных по 90 странам на период с 1970 по 2000 гг., ученые делают три основных вывода: во-первых, межгосударственные конфликты оказываются более губительными для экономического роста, чем внутригосударственные конфликты; во-вторых, негативное влияние конфликтов усиливается с увеличением их интенсивности; и в-третьих, влияние конфликтов усиливается в недемократических странах с низким уровнем доходов, а также в странах Африки (2012: 382).

Излишне говорить, что политическая нестабильность и конфликты могут иметь последствия, далеко выходящие за пределы экономической сферы. В связи с этим следует отметить, что несмотря на то, что Официальная Помощь в Целях Развития (ОПР) для нестабильных и находящихся в состоянии конфликта государств увеличилась в два раза с 2000 по 2010 гг. (что составляет 37% от общего объема ОПР в 2009 году), ни одна из развивающихся стран, пострадавших от вооруженных конфликтов, не смогла достигнуть хотя бы одной из Целей Развития Тысячелетия (ЦРТ) за тот же период (OECD, 2014). Хотя определенный прогресс все же был достигнут с тех пор, очевидно, что нестабильные государства добились значительно меньших успехов в достижении ЦРТ, чем государства стабильные. Например, по имеющимся оценкам, 26% нестабильных государств удалось сократить наполовину долю людей, не имеющих постоянного доступа к чистой питьевой воде, в то время как соответствующий показатель для стабильных государств составляет 54%. Также, в то время как 42% стабильных государств добились стопроцентного завершения начальной школы мальчиками и девочками, среди нестабильных государств этой цели достигли всего 12% стран (OECD, 2015: 36).

РОЛЬ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Принимая во внимание негативные последствия политической нестабильности и конфликтов для устойчивости экономического роста, не говоря уже об огромных человеческих потерях, возникает вопрос, могут ли права человека играть конструктивную роль в предотвращении и разрешении конфликтов. Это сложный вопрос, требующий глубокого понимания причин нестабильности и конфликтов – факторов, которые зачастую определяются историческими, этнографическими, демографическими, геополитическими и другими факторами национального контекста. Тем не менее, одно из направлений исследований дает нам надежную отправную точку для изучения этого вопроса. Исследования конфликтов приводят нас к выводу о том, что именно групповое или т.н. *горизонтальное* неравенство (а не неравенство на индивидуальном уровне) является основным катализатором вооруженных конфликтов.

Эта точка зрения подтверждается статистическими, а также многочисленными тематическими исследованиями (обзоры: Stewart, 2010: 2; Østby, 2013). К примеру,

Г. Эстбю (2008), проанализировав опыт 55 стран в период с 1986 по 2003 гг., связывает более высокий уровень социального и экономического неравенства со значительно более высоким риском возникновения конфликтов. Аналогично, Л. Седерман и соавторы (2010) показали, что общества с наличием групп, чей уровень благосостояния намного выше или ниже среднего показателя по стране, с высокой вероятностью могут оказаться в ситуации гражданской войны. Исследования, посвященные внутрисударственным конфликтам, позволяют сделать похожий вывод. Л. Манчини (2008), анализируя конфликты в провинциях Индонезии, выясняет, что горизонтальное неравенство в образовании, трудоустройстве, безработице и особенно в детской смертности непосредственно связано с возникновением неприязни на этнической и религиозной основе (Stewart, 2010: 3; см. также Østby et al, 2011). В аналогичном исследовании конфликтов между общинами в странах Африки к югу от Сахары Х. Фельде и Г. Эстбю (2014) обосновывают вывод о том, что “неравенство – как между отдельными людьми, так и между этническими группами в регионе – увеличивает риск возникновения вооруженного конфликта между социальными группами” (2014: 757).

Помня о том, что социологи и правозащитники часто «говорят на разных языках», О. Томс и Дж. Рон (2007) предлагают вариант “перевода” исследований конфликтов в терминологию права, что вызывает вопрос: способствуют ли нарушения прав человека возникновению конфликтов? Подтверждая теорию горизонтального неравенства, авторы отмечают, что “дискриминация и нарушения социальных и экономических прав человека являются глубинными причинами возникновения конфликтов, так как вызывают недовольство и возникновение групповых идентичностей, которые в определенных обстоятельствах могут повлечь за собой насилие. Нарушения гражданских и политических прав, напротив, можно с уверенностью определить, как непосредственный возбудитель конфликтов” (2007: 704).

Исходя из этих эмпирических исследований, можно предположить, что поощрение и защита прав человека могут быть эффективны в устранении некоторых коренных причин конфликтов и нестабильности. Поэтому Ф. Стюарт (2010) включила законодательство в области прав человека и их обеспечение в свой список “косвенных подходов” в борьбе с политическим горизонтальным неравенством и других мер, включая антидискриминационное законодательство и религиозно-культурные свободы (2010: 6). В частности, поощрение прав человека может снизить риск возникновения конфликтов, обеспечивая равный и недискриминационный доступ к социальным услугам и участию в политической жизни, а также предоставляя уязвимым группам механизмы отчетности и рассмотрения жалоб (Thoms & Ron, 2007: 705). Тем не менее, чтобы конкретизировать потенциал подхода к сокращению масштабов конфликтов, основанного на правах человека, необходимы более систематизированные исследования.

7 ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этом рабочем документе обеспечение прав человека рассматривается, как составляющая устойчивого экономического роста. Для анализа были выбраны четыре темы, наиболее релевантные с позиций прав человека: неравенство и перераспределение ресурсов, человеческое развитие, управление и институты власти, а также конфликты и политическая нестабильность. Анализ тем в рабочем документе не претендует на полноту, но является частью исследования, так как мы рассмотрели основные аргументы, выдвигаемые в литературе, и доказательства, лежащие в основе этих аргументов. Отправной точкой данного подхода являются не принципы и стандарты прав человека, как таковые, а скорее область развития, что включает темы человеческого и институционального развития, а также равенства – темы, которые позволяют расширить дискурс прав человека. При этом литература по теме, исследованная нами, хоть и изобилует связями с правами человека, все же редко обращается к теме прав человека, как уже говорилось во введении. Основываясь на этом широком анализе, мы поверхностно рассмотрели потенциальную роль прав человека в вопросах развития.

Если определять развитие как процесс расширения человеческих возможностей, потенциала и выбора, права человека и развития оказываются тесно связанными между собой понятиями. Многие заинтересованные в области развития и прав человека согласятся с этой интерпретацией смысла целей развития, в основе которой заложены и права человека.

Тем не менее, Цели Устойчивого Развития представляют собой состоящую из 17 целей программу деятельности в области развития на ближайшие десятилетия, в которой осуществление прав человека имеет место наряду с другими целями экономического роста, такими как сокращение бедности, сокращение масштабов неравенства между нациями, климатические изменения, экологическая устойчивость и развитие окружающей среды, а также добросовестное управление. Такая обширная повестка дня определяет для прав человека скорее инструментальную, нежели конститутивную роль.

Таким образом, можно утверждать, что правозащитная концепция и соответствующий подход к проблемам сыграют важную роль в осуществлении целей в области устойчивого развития, как в плане борьбы с бедностью, обеспечения доступа к социальным услугам и социальной защите, природоохранных задач, снижения неравенства и устранения дискриминационных практик, так и в плане продвижения инклюзивность государственных институтов/учреждений и процессов управления.

В данной работе мы рассматривали вопросы прав человека и экономики в основном с инструментальной точки зрения. Цель данного рабочего документа заключается в том, чтобы указать, каким образом осуществление прав человека может способствовать устойчивому экономическому росту, а также определить значение

вопроса для обеих сфер и возможные последствия. На основе анализа в данной работе, мы определяем следующие пункты как требующие дальнейшего изучения:

Экономическое неравенство и экономический рост

Эмпирические исследования, рассмотренные выше, показывают, что экономическое неравенство (по крайней мере, выше определенного уровня) является губительным для экономического роста. О конкретной роли прав человека в снижении неравенства исследователи все еще ведут споры, что говорит о необходимости дальнейшего исследования. Можно утверждать, что экономическое неравенство, стандарты прав человека и принципы недискриминации и равенства во многом дублируются. И все же характер их взаимосвязи не до конца осмыслен в литературе и мог бы стать объектом новых исследований.

Человеческое развитие и экономический рост

Обзор литературы по теме позволяет нам считать формирование человеческого капитала важным детерминантом экономического роста и показывает, что вложения в человеческое развитие (здравоохранение, образование и т.д.) необходимы для устойчивости экономического роста в долгосрочной перспективе. Таким образом, поскольку существует значительное дублирование между социальными правами человека и человеческим развитием, поощрение этих прав, вероятно, сможет способствовать экономическому росту и развитию. Кроме того, усилия в области человеческого развития могут также стать действенным средством в борьбе с неравенством. И все же, ни одно из рассмотренных исследований не ставит тематику прав человека во главу угла. Поэтому взаимосвязь между правами человека, человеческим развитием и экономическим ростом могла бы стать темой дальнейшего исследования.

Управление, институты власти и экономический рост

Что касается взаимоотношения учреждений и управления с устойчивым экономическим ростом, частичное совпадение с правами человека касается здесь не столько стандартов в области прав человека (за исключением права на собственность и доступ к информации), сколько принципов участия и подотчетности, которые занимают центральное место в контексте прав человека. Несмотря на некоторые расхождения, литература по теме учреждений и управления все же позволяет говорить об их положительной связи с экономическим ростом. Литература, однако, не дает четких формулировок того, каким образом концепции управления и прав человека связаны между собой. Как говорилось выше, вопрос о том, каким образом осуществление прав человека влияет на институциональное развитие и управление, рассматривается в литературе по социальной подотчетности.

Права человека, конфликты и политическая нестабильность

Как показал обзор литературы по теме, многие исследования пришли к выводу, что политическое насилие и нестабильность губительны для экономического роста. Конфликты, как правило, подавляют экономический рост, в то время как экономические потрясения могут также увеличить риск возникновения конфликта.

В этом контексте значение прав человека требует контекстуального анализа. Исследователи конфликтов пришли к выводу, что групповое неравенство является основным катализатором вооруженных конфликтов. Также они заключают, что дискриминация и нарушение социальных прав вызывают групповое недовольство, что может повлечь за собой вооруженный конфликт. Нарушение же гражданских и политических прав исследователи считают непосредственным возбудителем конфликтов. И все же, чтобы конкретизировать потенциал основанного на правах человека подхода к сокращению конфликтов и к вопросам экономического роста в потенциально конфликтных ситуациях, необходимы более систематические исследования.

Разумеется, для проблем экономического развития не существует универсального решения. Однако исследования, использованные в данном рабочем документе, оспаривают широко распространенное мнение о том, что между экономическим развитием и реализацией прав человека существует противоречие. Хотя дальнейшие исследования определенно необходимы для пояснения связей, предварительная оценка, проводимая в данном рабочем документе, позволяет заключить, что поощрение прав человека способствует амбициям в экономической сфере, а не ограничивает их. Другими словами, продвижение прав человека можно считать шагом не только нормативно-правильным, как это предлагает «подход ответственности», но, как предлагает «подход возможностей», и шагом разумным для правительств и других субъектов, заинтересованных в содействии экономическому развитию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Aisen, A., & Veiga, F. J. (2013). "How does political instability affect economic growth?". *European Journal of Political Economy*, 29, 151-167.
- Alesina, A. F., and G. Tabellini (1989). "External debt, capital flight and political risk". *Journal of International Economics*, 27, 199–220.
- Alesina, A., Ozler, S., Roubini, N., Swagel, P. (1996). "Political instability and economic growth". *Journal of Economic Growth* 1(2), 189–211.
- Alston, P. (2015). "Extreme inequality as the antithesis of human rights". OpenDemocracy, 27 Oct 2015, available at: <https://www.opendemocracy.net/openglobalrights/philip-alston/extreme-inequality-as-antithesis-of-human-rights>
- Barro, R. J. (1991). *Economic Growth in a Cross Section of Countries*. Cambridge, Mass: National Bureau of Economic Research.
- Barro, R. J. (2003). "Determinants of Economic Growth in a Panel of Countries". *Annals of Economics and Finance*, 4(2), 231-274.
- Birdsall, N. (2007): "Income Distribution: Effects on Growth and Development", Working Paper Number 118, Center for Global Development.
- Blomberg, S. B. "Growth, Political Instability and the Defence Burden." *Economica*, 63(252), 649-672.
- BHRC: Business and Human Rights Resource Centre Survey.
- Cederman, L.-E., K. Gleditsch, and N. Weidmann (2011) "Horizontal Inequalities and Ethnonationalist Civil War: A Global Comparison". *American Political Science Review*, 1(18), 478–495.
- CIRI Human Rights Data Project. Available at: <http://www.humanrightsdata.com/>.
- Clark, A., M. and Sikkink, K. (2013) "Information Effects and Human Rights Data: Is the Good News about increased Human Rights Information News for Human Rights Measures?" *Human Rights Quarterly* vol. 35(3), pp. 539-568.
- Dabla-Norris, E., Kochhar, K., Suphaphiphat, N., Ricka, F., & Trounka, E. (2015). *Causes and consequences of income inequality: A global perspective*. Washington: International Monetary Fund.
- Darby, J., Li, C., Muscatelli, V. (2004). "Political uncertainty, public expenditure and growth". *European Journal of Political Economy*, 20, 153–179.
- Easterly, W. (2007). "Inequality does cause underdevelopment: Insights from a new instrument". *Journal of Development Economics*, 84(2), 755-776.
- Fjelde, H., & Østby, G. (2014). "Socioeconomic Inequality and Communal Conflict: A Disaggregated Analysis of Sub-Saharan Africa, 1990-2008". *International Interactions*, 40(5), 737-762.

- Fosu, A. K. (2002). "Political Instability and Economic Growth: Implications of Coup Events in Sub-Saharan Africa". *American Journal of Economics and Sociology*, 61(1), 329-348.
- Hans-Otto Sano, 2015. "Social Accountability in the World Bank. How Does it Overlap with Human Rights?" In: LaDawn Haglund and Robin Stryker (eds.), *Closing the Rights Gap. From Human Rights to Social Transformations*. University of California Press.
- Hill, M. A., & King, E. (1995). "Women's education and economic well-being". *Feminist Economics*, 1(2), 21-46.
- Jong-A-Pin, R. (2009). "On the measurement of political instability and its impact on economic growth". *European Journal of Political Economy*, 25(1), 15-29.
- Kabeer, N., & Natali, L. (2013). "Gender Equality and Economic Growth: Is there a Win-Win?". *IDS Working Papers*, no. 417, 1-58.
- Kaufmann, D., Kray, A., and Mastruzzi, M. (2009). *Governance Matters 2009: Learning From Over a Decade of the Worldwide Governance Indicators*. Brookings Institution.
- Kaufmann, D., Kray, A., and Mastruzzi, M. (2009). *Governance Matters VIII. Aggregate and Individual Governance Indicators 1996-2008*. The World Bank, Policy Research Working paper 4978.
- Kaufmann, D., Kray, A., and Zoido-Lobaton, P. (1999). *Governance Matters*. World Bank Policy Research Working Paper No. 2196. The World Bank Institute.
- Klasen, S. (1999). *Does gender inequality reduce growth and development: Evidence from cross-country regressions*. Washington, D.C.: World Bank, Development Research Group, Poverty Reduction and Economic Management Network.
- Klasen, S. (2002). "Low Schooling for Girls, Slower Growth for All? Cross-Country Evidence on the Effect of Gender Inequality in Education on Economic Development". *The World Bank Economic Review*, 16(3), 345-373.
- Klasen, S., & Lamanna, F. (2009). "The Impact of Gender Inequality in Education and Employment on Economic Growth: New Evidence for a Panel of Countries". *Feminist Economics*, 15(3), 91-132.
- Kuznets, S. (1955). "Economic Growth and Income Inequality". *The American Economic Review*, 45(1), 1-28.
- Lauritsen, D. H. (2015). "Sustainability increases market value". Available online: <https://stateofgreen.com/en/news/sustainability-increases-market-value>
- Levine, R., & Renelt, D. (1992). "A sensitivity analysis of cross-country growth regressions". *The American Economic Review*, 82(4).
- Mancini, L. (2008). "Horizontal inequality and communal violence: Evidence from Indonesian districts". In: Stewart, F. (ed.) *Horizontal Inequalities and Conflict: Understanding Group Violence in Multiethnic Societies*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 106-130.
- Mankiw, N. G., Romer, D. H., & Weil, D. N. (1992). "A contribution to the empirics of economic growth". *Quarterly Journal of Economics*, 107(2), 407-437.

- Margolis, J. D., Elfenbein, H. A., & Walsh, J. (2009). "Does it pay to be good? A meta-analysis and redirection of research on the relationship between corporate social and financial performance". Available at SSRN: <http://ssrn.com/abstract=1866371>.
- Moral-Benito, E. (2012). "Determinants of Economic Growth. A Bayesian Panel Data Approach". *The Review of Economics and Statistics*, May 4 (2).
- Morten Broberg and Hans-Otto Sano (forthcoming) European donors and human rights based approaches.
- Moyn, S. (2015). "Human rights and the age of inequality". OpenDemocracy, 27 Oct 2015, available at: <https://www.opendemocracy.net/openglobalrights/samuel-moyn/human-rights-and-age-of-inequality>
- North, D., C. (1991). "Institutions". *The Journal of Economic Perspectives*, vol. 5, no 1.
- North, D., C., (2003). *The Role of Institutions in Sustainable economic growth*. United Nations Economic Commission for Europe. Discussion Paper 2003,2.
- OECD (2014). *Fragile states 2014: Domestic revenue mobilisation in fragile states*. Paris: Organisation for Economic Co-operation and Development.
- OECD (2015). *States of Fragility 2015: Meeting Post-2015 Ambitions*. Paris: Organisation for Economic Co-operation and Development.
- Østby, G. (2008). "Polarization, Horizontal Inequalities and Violent Civil Conflict". *Journal of Peace Research*, 45(2), 143-162.
- Østby, G. (2013). "Inequality and political violence: A review of the literature". *International Area Studies Review*, 16(2), 206-231.
- Ostry, J. D., Berg, A. & Tsangarides, C. G. (2014). *Redistribution, inequality, and growth*. Washington: International Monetary Fund.
- Polachek, S. W., & Sevastianova, D. (2012). "Does conflict disrupt growth? Evidence of the relationship between political instability and national economic performance". *The Journal of International Trade & Economic Development*, 21(3), 361-388.
- Ranis, G., & Stewart, F. (2006): "Successful Transition towards a Virtuous Cycle of Human Development and Economic Growth: Country Studies", Economic Growth Center Discussion Paper no. 943, Yale University.
- Ranis, G., & Stewart, F. (2007): "Dynamic links between the economy and human development", in: Khan, S., Ocampo, J. A., & Jomo, K. S. (2007). *Policy matters: Economic and social policies to sustain equitable development*. London: Zed.
- Ranis, G., Stewart, F., & Raminez, A. (2000). "Economic growth and human development". *World Development*, 28(2), 197-219.
- Ringold, Holla, Koziol, and Srinivasan (2012). *Citizens and Service Delivery. Assessing the Use of Social Accountability Approaches in Human Development*. The World Bank.
- Rodrik D., Subramanian, A., Trebbi, F. (2004). *Institutions Rule: The Primacy of Institutions over Geography and Integration in Sustainable economic growth*.

- Sen, A. (2000). *What is the Role of Legal and Judicial Reform in the Development Process?*
Available at:
<http://siteresources.worldbank.org/INTLAWJUSTINST/Resources/legalandjudicial.pdf>
- Seymour, D., and Pincus, J. (2008). "Human Rights and Economics: The Conceptual Basis for their Complementarity". *Development Policy Review*. Vol. 26 (4), 393.
- Starr, M. A. (2010). "Violent conflict and economic growth: Some time-series evidence". *Economics Letters*, 106(3), 200-204.
- Steiner, 2012. "Testing for a Political Bias in Freedom House Democracy Scores: Are U.S. Friendly States Judged to be more Democratic?" *Journal of Comparative Policy Analysis*.
Available at: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1919870
- Stewart, F. (2000): "Income Distribution And Development", *QEH Working Paper Series - QEHWPS37*, Working Paper Number 37.
- Stewart, F. (2010). *Horizontal inequalities as a cause of conflict: A review of CRISE findings*.
Background paper for World Development Report 2011. Washington, D.C.: World Bank.
- Suri, T., Boozer, M. A., Ranis, G., & Stewart, F. (2011). "Paths to Success: The Relationship between Human Development and Economic Growth". *World Development*, 39(4), 506-522.
- Svensson, J. (1998). "Investment, property rights and political instability: theory and evidence". *European Economic Review*, 42(7), 1317–1341.
- The World Bank (1997). *World Development Report 1997: The State in a Changing World*.
New York: Oxford University Press.
<https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/5980>
- The World Bank (2015). *The World Development Report 2017: Governance and the Law*.
Working paper, Oct. 2015.
- The World Bank, the Nordic Trust Fund and ICF/GHK (2012). *Human Rights and Economics: Tensions and Positive Relationships*. The World Bank, OPCS.
- Thoms, O. N. T., & Ron, J. (2007): "Do Human Rights Violations Cause Internal Conflict?", *Human Rights Quarterly*, 29(3), 674-705.
- Toye, J. (1995). "The New Institutional Economics and its Implications for Development Theory". In: John Hariss, Janet Hunter and Colin M. Lewis (eds.): *The New Institutional Economics and Third World Development*. Routledge, 49-68.
- UN Sustainable Development (2015). *Countries reach historic agreement to generate financing for new sustainable development agenda*:
<http://www.un.org/sustainabledevelopment/blog/2015/07/countries-adopt-addis-ababa-action-agenda/#prettyPhoto>.
- United Nations, General Assembly (2015). *Transforming our World: the 2030 Agenda for Sustainable Development*. A/Res/70.1, October.
- Williams, A., and Siddique, A. (2008). The Use (and Abuse) of the Governance Indicators in Economics: A Review. *Economics of Governance*, Vol. 9, Issue 2.

**THE DANISH
INSTITUTE FOR
HUMAN RIGHTS**